

РЕЦЕНЗИИ

В.Н. ЗАХАРОВ. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ. М.: “ИНДРИК”, 2012. 263 с.

В.Н. ЗАХАРОВ. ИМЯ АВТОРА – ДОСТОЕВСКИЙ. М.: “ИНДРИК”, 2013. 455 с.¹

Передо мной две книги одного автора. Заглавия у них разные, и одна из них имеет скорее теоретико-литературный, а вторая – историко-литературный характер. Одна посвящена “этнологическим аспектам” “исторической поэтики” русской литературы, а другая – творчеству Ф.М. Достоевского. Так что на первый взгляд это две тематически совершенно разные книги. Но главный герой у них один. Это Достоевский. И это уже само по себе делает их своего рода диалогией.

Однако у названных книг известного российского филолога и, безусловно, одного из ведущих в стране да и в мире исследователей творчества Ф.М. Достоевского есть и единство более общего порядка. Это единство одного и того же цельного и последовательно проведенного взгляда на Достоевского как на писателя, всю свою жизнь и почти во всех своих произведениях взыскующего разрешения одних и тех же вопросов: о Боге, о России, о русском народе.

Многие из работ, составивших этот своеобразный двухтомник, были мне знакомы и раньше, тем более что некоторые из них впервые опубликованы в составе двух новых собраний сочинений писателя под редакцией В.Н. Захарова. И, тем не менее, чтение его открыло для меня немало нового. Настолько широк здесь круг охвата проблематики творчества Достоевского. И, главное, собранные в единое целое, эти отчасти уже знакомые мне работы произвели иное, причем более сильное впечатление. Взгляд на писателя, последовательно проведенный в отношении всего творчества Достоевского, методично и последовательно примененный к самым разным особенностям его поэтики, обретает в рецензируемой диалогии особую убедительность.

Наиболее прямо и открыто этот взгляд сформулирован В.Н. Захаровым в таких разделах, как “Русская литература и христианство”, “Пасхальный рассказ”, “Символика христианского календаря в поэтике Достоевского”, “Православные аспекты этнопоэтики русской литературы”, “Хри-

стианский реализм”, “Умиление как категория поэтики Достоевского”. Автор показывает в них, что христианские и, точнее, православные основы русской литературы проявляются у Достоевского в самых разных вещах: в приуроченности действия произведений к христианскому календарю и к его символике и во многом другом. Впрочем, анализ отдельных произведений Достоевского также зачастую проводится в диалогии прежде всего под этим углом зрения. Так, о романе “Белые ночи” сказано: «Чудо христианской любви, которое когда-то было явлено в лирике Пушкиным (стихотворение “Я вас любил...”»), стало апофеозом этого “сентиментального романа” Достоевского» (ИАД. С. 147).

Заслуживает особого и самого пристального внимания само центральное понятие книги “Проблемы исторической поэтики”: “этнопоэтика”. Так В.Н. Захаров предлагает называть поэтику, “которая должна изучать национальное своеобразие конкретных литератур, их место в мировом художественном процессе” (ПИП. С. 113). На первый взгляд, понятие это вначале сформулировано и пояснено в несколько эссеистском ключе: “Она должна дать ответ, что делает данную литературу национальной, в нашем случае – что делает русскую литературу русской. Чтобы понять то, что говорили своим читателям русские поэты и прозаики, нужно знать православие” (ПИП. С. 113). Однако здесь же следует уточняющий пример: “православно-христианским оказывался и художественный хронотоп даже тех произведений русской литературы, в которых он не был сознательно задан автором” (ПИП. С. 113).

В связи с таким представлением автора об общем характере этнопоэтики Достоевского и некоторых других русских писателей в диалогии приведено немало интересных наблюдений. Например, о том, что «в романе “Воскресение” постыдный грех с Катюшей Масловой Нехлюдов совершил именно на Пасху – праздник не остановил его и не просветлил его душу» (ПИП. С. 121), что в “Записках из Мертвого дома” Достоевский изменил время своего прибытия в Омский острог, чтобы «впечатления первого месяца пребывания на каторге завершились Рождественскими празд-

¹ В дальнейшем ссылки на эти издания даются в тексте с указанием аббревиатуры заглавия: соответственно, ПИП или ИАД – и номера страницы.

никами, описание которых становится кульминацией первой части “записок”» (ПИП. С. 130), что в самой фамилии доктора Живаго отразился праздник Преображения господня – по его стихам из пастернаковского романа, “Шестое августа по-старому, Преображение Господне” – день, в который “Сын Человеческий” открыл ученикам, что Он – “Сын Бога Живаго” (ПИП. С. 114).

При этом особенно ценным представляется то, что, говоря о “православных аспектах этнопоэтики русской литературы” и полемизируя при этом с А.М. Любимовым и В.М. Лурье, В.Н. Захаров подчеркивает, что имеет в виду православие “в недогматическом смысле”: “...Православие не только катехизис, но и образ жизни, мировосприятие и миропонимание народа” (ПИП. С. 145–146). В этом исследователь опирается на самого Достоевского, писавшего: “Говорят, что русский народ плохо знает Евангелие, не знает основных правил веры. Конечно так, но Христа он знает и носит его в своем сердце искони”. И вот именно это и дает основания В.Н. Захарову и реализм Достоевского называть не его собственной, в концептуальном смысле несколько расплывчатой формулой: “реализм в высшем смысле” – а более определенно: “христианский реализм”.

Правда, когда, развивая этот подход, исследователь пишет о герое романа “Идиот”: «В романе Достоевский дал образ не просто “положительно прекрасного человека”, но христианина, т.е. человека, живущего по Христовой любви, по заповедям Нагорной проповеди вплоть до экстремального “возлюби врага своего” – таков эффект финальной сцены романа, последнего братания Мышкина и Рогожина у тела убитой Настасьи Филипповны» (ПИП. С. 172) – то возникает вопрос: может быть, так, но почему же тогда все так трагично заканчивается? Причем не только по причине несовершенного земного мира, а и явно потому, что поступки самого Мышкина парадоксальным образом невольно подталкивают героев романа к этой трагической развязке. Не воплощено ли в князе Мышкине отчасти также и какое-то определенное, не совсем разделяемое Достоевским представление о Христе: Э. Ренана или Л.Н.Толстого с его “непротивлением злу насилием”?

Впрочем, как правило, когда с автором хочется поспорить, всегда заранее видны в его книгах возможные контраргументы с его стороны. Так, эффект финалов и пушкинских “Повестей Белкина”, и многих произведений Достоевского В.Н. Захаров определяет как “умиление”. Иногда внутреннее чувство как будто бы восстает против

этого (по крайней мере, применительно к Пушкину), и хочется заменить это слово привычным для нас понятием “катарсиса”. Однако именно слово “умиление” неоднократно употреблено в этих его произведениях самим Достоевским (см.: ПИП. С. 179–194).

Другая важная особенность диалогии заключается в том, что она написана текстологом. Отсюда обилие в ней текстологических сюжетов: о роли у Достоевского курсива, о большой и маленькой буквах в написании слова “Бог” (которое в советское время нередко писали с маленькой буквы, в то время как слово “Сатана” с большой – ПИП. С. 226–227), о второй редакции “Двойника”, о первоначальных замыслах и окончательном тексте романа “Идиот”, о возможности включения в текст “Бесов” главы “У Тихона” (исследователь приходит к важному выводу: «включать главу “У Тихона” можно только в журнальную редакцию 1871–1872 гг.» (ИАД. С. 349) – и другие.

Эта особенность обеих книг предопределяет характер решения В.Н. Захаровым многих других вопросов. За ответами на них исследователь в первую очередь обращается к самому Достоевскому. И тут выясняются важные вещи: что, например, “почвенничество – поздний термин”, который “Достоевский и его единомышленники не употребляли” (ПИП. С. 230), что выражение “фантастический реализм”, которым пользуются, ссылаясь на Достоевского, многие исследователи, в действительности у того не встречается; мы находим у него только: “реализм, доходящий до фантастического” (да и то в применении к “родам”, то есть скорее в бытовом значении) – или: “...то, что большинство называет *почти* фантастическим и исключительным, то для меня иногда составляет самую сущность действительного” (ИАД. С. 14–15).

Кстати, неизменная приверженность автора не только к смыслу, но и к букве Достоевского позволяет ему убедительно снять с писателя нередко набрасываемые на него жупелы – как, например, обвинение, высказанное, в частности, режиссером А. Михалковым-Кончаловским в том, что он якобы сказал: “в русском человеке приверженность к великой идее удивительно сочетается с величайшей подлостью и чего в нем больше, великой ли идеи или подлости, покажет будущее”. Между тем, как у Достоевского сходную, но далеко не тождественную мысль (причем распространяемую не только на русских) высказывает его герой – Аркадий Долгорукий из романа “Подорожник”: «... я и тысячу раз дивился на эту способность человека (и, кажется, русского человека

по преимуществу) лелеять в душе своей высочайший идеал рядом с величайшею подлостью, и все совершенно искренно» (ИАД. С. 10–11).

Этим же своеобразным “достоевскоцентризмом”, который составляет, безусловно, сильную сторону автора, отмечены и начальные, литературно-теоретические разделы “Проблем исторической поэтики”. Так, в разделе “Достоевский и Бахтин в современной научной парадигме” убедительно проводится на первый взгляд очевидная, а в действительности довольно парадоксальная мысль: “Достоевский существенно влиял на Бахтина. Многие идеи, которые принимают за идеи Бахтина, на самом деле высказаны Достоевским” (ПИП. С. 88).

Программный характер в этом отношении имеет для автора раздел “Проблем исторической поэтики”, озаглавленный “Текстология как технология”. Как известно, В.Н. Захаров – издатель так называемых “Канонических текстов” Достоевского – “издания в авторской орфографии и пунктуации”. Именно принципы подобного издания и прочтения Достоевского он отстаивает и в своих “Проблемах исторической поэтики”: «...Заглянув однажды в прижизненное издание повести “Записки из подполья”, я был поражен пунктуацией Достоевского. Она была музыкальна, интонационно проясняла авторский текст, противореча современным правилам орфографии: удивляло, насколько осмысленно Достоевский ставил знаки препинания» (ИАД. С. 207). В качестве довольно убедительного примера дается следующий: “Я не только злым, но даже и ничем не сумел сделаться: ни злым ни добрым, ни подлецом ни честным, ни героем ни насекомым” (ПИП. С. 207). Вполне естественна в этой связи убежденность исследователя: “... важнее текст, а не его интерпретации. Комментатор всегда второй после текстолога” (ПИП. С. 219).

Это убеждение исследователя опирается опять-таки на собственные высказывания писателя: “У каждого автора свой собственный слог, и потому своя грамматика... Мне нет никакого дела до чужих правил! Я ставлю запятую перед *что*, где она мне нужна; а где я чувствую, что не надо перед *что* ставить запятую, там я не хочу, чтобы мне ее ставили”². Безусловно, сильное впечатление производят приводимые исследователем случаи, когда Достоевский обращал к своим редакторам “сердечную жалобу” на то, как опубликован его текст, а между тем он остается неисправленным и в большинстве последую-

щих изданий, как это, в частности, произошло с текстом главы “Великий инквизитор” (ПИП. С. 229). Так что даже упорная приверженность В.Н. Захарова к сохранению авторского написания заглавий романов Достоевского: “Записки из Мертвого Дома”, “Униженные и Оскорбленные”, “Преступление и Наказание”, “Дневник Писателя” – в конце концов заражает, тем более, что сам исследователь оговаривается: “Они непривычны для современного читателя, но были необходимы автору в выражении смысла своих произведений” (ПИП. С. 9).

Несколько работ в диалогии посвящены проблемам атрибуции. В частности, в разделе «Кто автор “Формального метода в литературоведении?”» отмечена “разная трактовка ряда ключевых категорий в трудах Медведева и Бахтина, Волошинова и Бахтина” и на этом основании на сформулированный в его заглавии вопрос дан однозначный ответ: “Павел Николаевич Медведев” (ПИП. С. 63, 80). В разделе же “Триумф анонимного автора” рассматривается архиважный и архисложный вопрос об анонимных и псевдонимных статьях, опубликованных в издававшихся братьями Достоевскими журналах “Время” и “Эпоха”. Исследователем предложена «методика комплексного изучения анонимного наследия в журналах “Время” и “Эпоха”, которая учитывает как традиционные документальные, идейно-тематические и стилистические признаки, так и возможности современных информационных технологий, в частности, результаты обработки формально-грамматических и синтаксических параметров». При этом излагаются результаты колоссальной работы: исследование стилистических параметров всего корпуса анонимных и ряда подписанных статей в журналах “Время” и “Эпоха”, который составляет свыше 250 печатных листов. Причем анонимные тексты сравнивались с текстами не только Ф. Достоевского, но и других авторов – М. Достоевского, А. Григорьева, Н. Страхова, А. Порецкого, А. Разина, М. Владиславлева – с учетом авторской орфографии и пунктуации (ИАД. С. 215).

Существенно, что исследователь решает все эти вопросы с учетом особенностей редакционной подготовки авторских статей для названных журналов: в отделах критики и публицистики “Достоевские пытались сделать требование анонимности непременным условием публикации статей <...> анонимны все критические и публицистические статьи издателя и редактора М. Достоевского, его соредактора Ф. Достоевского. <...> Поскольку условием публикации было, как правило, требование анонимности, у автора не

² Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1964. Т. 2. С. 128.

было причин отстаивать свои литературные амбиции, он продавал – редакция покупала его труд, получая его в свою собственность и распоряжение чужой текст, который подвергался правке: всегда исправлялся, нередко переписывался от начала до конца” (ИАД. С.207, 208, 214).

Вот почему, по мнению В.Н. Захарова, обычно “проблема атрибуции ставится и решается категорично: или Достоевский, или не-Достоевский, в сомнительных случаях – *dubia*. Между тем <...> известны случаи, когда Ф. Достоевский ставил чужое имя вместо своего – М. Достоевский, А. Порецкий. <...> Среди сотрудников журнала были компиляторы. Редакция пользовалась их услугами при подготовке статьи” (ИАД. С. 214, 216). Таким образом, как убедительно показывает исследователь, тут встречаются самые сложные и неоднозначные случаи, когда в подготовке статьи участвовало – причем в различном качестве – сразу несколько авторов, и выявить их всех бывает непросто. Однако в тех случаях, когда это возможно, авторский и редакторский голос Достоевского исследователь выделяет весьма убедительно.

Не пытаясь объять все необъятное содержание диалогии, остановлюсь еще лишь на некоторых, обративших на себя мое особое внимание, исследовательских позициях автора. Достоевский, который встает перед нашими глазами со страниц названных двух книг В.Н. Захарова, разнообразен и многосторонен. Происходит это благодаря тому, что в них получают освещение самые разные, а далеко не только основные произведения писателя. Так, среди сочинений Достоевского исследователь не проходит мимо произведений так называемого “некрасовского цикла”, которые, несмотря на то, что представляют собой отчасти “литературную поденщину” – вещи, написанные главным образом для заработка, – тем не менее, “обнаруживают юмористический дар гения, с явным удовольствием разрабатывавшего комические характеры и ситуации” (ИАД. С. 134–135). Между тем комический дар Достоевского, который ярко развернулся также не только в

“Дядюшкином сне” и “Селе Степанчикове и его обитателях”, но и в его так называемом “великом пятикнижии” (например, в образах Кармазинова и Петра Верховенского, Лебедева и генерала Иволгина, Федора Павловича Карамазова и госпожи Хохлаковой и др.), действительно нередко не замечается или недооценивается.

Из разборов отдельных произведений Достоевского особенно пространный и содержательный посвящен “Двойнику” – повести, изучением которой В.Н. Захаров занимается на протяжении всей своей жизни («Загадка “Двойника”» – ИАД. С. 88–133). Исследователь довольно убедительно аргументирует и развивает в этом разделе одну общую мысль, чрезвычайно важную для общего понимания повести: “В сюжете повести реализуется не психопатологическая установка, а *установка на реальное существование двойника*” (ИАД. С. 93). Подробно останавливается В.Н. Захаров и на характере переработки повести “Двойник” для второго издания: «Достоевский акцентирует внимание читателя не на болезненных чертах сознания Голядкина, не на клиническом анализе развития его болезни, а на причинах, вызвавших безумие титулярного советника. Есть у Голядкина свой путь “помешательства” – сбывшийся сон, оправдавший наихудшие предчувствия героя “Двойника”, его прозрение – “сознание разрозненности частных интересов в благоустроенном обществе” (В. Майков), осознание дегуманизации общественных отношений, обесценивания человеческой личности. Во второй редакции Достоевский последовательно исключает места, давшие повод к ложному истолкованию “Двойника”» (ИАД. С. 114–123).

О диалогии В.Н. Захарова можно говорить еще очень долго. Скажу в заключение только одно: она, безусловно, должна стать настольной книгой у каждого современного исследователя Достоевского, независимо от того, какими аспектами биографии и творчества писателя он занимается. Представить без нее современное научное познание Достоевского невозможно!

С.А. Кибальник